

НА ТАБЛИЧКЕ с фамилией проживающих в доме № 83 по римской улице Сан-Томмазо д'Акуино под номером шестнадцать написано: «Ф. Шаляпин». Поднимаюсь на пятый этаж. Звоню. Дверь открывает высокий пожилой человек с седыми, слегка выщипанными волосами — это Федор Федорович Шаляпин, сын выдающегося русского певца.

Чем больше вглядываюсь в его лицо, тем больше убеждаюсь в семейном сходстве. И голос у него грудной, слегка глуховатый, но четкий, хорошо поставленный — по профессии он киноактер. В комнате, где мы беседуем, все напоминает о Федоре Ивановиче и людях, с которыми он был близок. На стене большой снимок Шаляпина в роли Дон Кихота. На нем он предстает необычно худым, с вытянутой шеей. Заметив мой взгляд, Федор Федорович поясняет: «На сцене отец удивительно менялся. Даже внешне, от образа к образу. Он тщательно и искусно гримировался, а в опере «Дон Кихот» гримировал даже лошадь. Мне маленькому довелось видеть выступление отца в этой опере в Киеве, куда он нас специально вызвал из Москвы. Опера нас взволновала до слез: в ней мы впервые увидели отца в положительной роли. Массе специально написал эту оперу для отца».

Федор Федорович раскладывает передо мною фотографии. Некоторые из них — в рамках: их он собирает отправить в СССР. «В Москве наша семья жила в старинном деревянном особняке, — про-

должает рассказывать Федор Федорович. — Сейчас этот дом восстанавливают и там будет открыт Музей Шаляпина. Я активно участвую в создании этого музея. Скоро собираюсь поехать в Соединенные Штаты. Там осталась вдова моего старшего брата Бориса. У нее немало вещей, связанных с жизнью и творчеством отца, в

первые видел его в минуты отдыха, могло сложиться представление о нем, как о несерьезном человеке. Но к своей актерской профессии от относился очень требовательно и того же добивался от других. Я помню, как он готовил постановку оперы Верди «Дон Карлос». Он сам перевел ее с итальянского на русский, сам и поставил. Репетиции проводились у нас в доме, и отец настаивал на полной отдаче, работал с актерами и музыкантами, что называется, в поте лица. Премьера прошла с

многими выдающимися русскими художниками. Многие из них помогали ему в его работе в опере, писали эскизы к декорациям, фасоны костюмов. Одним из них был К. А. Коровин. В квартире Федора Федоровича висит его большой зимний пейзаж. Эту картину Шаляпин приобрел у художника в начале двадцатых годов. Мой собеседник вспоминает слова К. А. Коровина о Шаляпине, которые он как-то ему сказал: «Все говорят, что твой отец великий актер. Это неверно. Он чудо!»

Федор Федорович показывает мне рисунок В. Серова. На листе бумаги Шаляпин изображен в роли Олоферна. «Серов был большим почитателем таланта отца, отец же почитал талант замечательного художника. Серов не раз рисовал отца. Насколько мне помнится, он вообще не выпускал блокнот из рук. Стоит, разговаривает, а сам быстро делает наброски. Он так хорошо изучил отца, что несколькими штрихами передавал его облик. Както Коровин работал над одним из ранних портретов отца. Портрет никак не получался. Тогда отец, сам, как известно, прекрасный рисовальщик, принялся его исправлять. Получилось еще хуже. Тут подошел Серов и спрашивает:

— Что вы тут делаете?

— Да не вышло, — с досадой ответил отец.

Серов сразу же принялся за работу и блестяще завершил портрет. Он попросил подписать это «совместное произведение» Коровина. Тот отказался. Тогда он подписал его и за себя, и за него. Отец глубоко переживал смерть Валентина Александровича, о которой сообщил ему прибывавший в наш дом в слезах Коровин».

Когда Федор Федорович приезжает в Москву, он неиз-

менно бывает в Большом театре, где столь блистательно выступал его отец.

— В последний раз я был в Москве полтора года назад, — говорит он. — Ходил на «Хованщину». Чудесный спектакль! А перед началом произошел забавный случай. Подхожу к кассе, говорю, что для Шаляпина оставлены билеты. Кассирша сочла это за шутку, даже рассердилась и прикрикнула, чтобы я не валял дурака. Пришлось показать паспорт. Она бросилась к администратору и вернулась... с несколькими билетами. В Советском Союзе чтят Ф. И. Шаляпина, признают его заслуги в развитии русского оперного искусства. Я глубоко убежден, что он принадлежит Родине, которую он всегда искренне любил.

Перед тем, как попрощаться и пожелать Федору Федоровичу счастливого нового года, я спросил его, почему он избрал Рим местом своего жительства. «Моя мать — итальянка, балерина Иоле Торнаги. Отец познакомился с ней в Нижнем Новгороде в конце прошлого века. Этим полутальянским происхождением в значительной мере и определился мой выбор после того, как я навсегда покинул Соединенные Штаты. В Италии я снимался в фильмах видных режиссеров, с интересными актерами. И сейчас меня, несмотря на мой преклонный возраст, время от времени приглашают на киностудию. Со своей Родиной я поддерживаю самые тесные связи».

С этими словами Федор Федорович показал на груди писем и предновогодних открыток из Советского Союза...

Н. ПАКЛИН,
соб. корр. «Известий».

РИМ.

ВСТРЕЧА С ФЕДОРОМ ШАЛЯПИНЫМ

том числе его портрет. Я глубоко убежден, что их место — в Музее Шаляпина в Москве».

Листаем семейный альбом. Бросается в глаза контраст. На сцене Шаляпин — величественный актер, гений перевоплощения. Шаляпин в повседневной жизни — простой, доступный человек, весельчак. Вот на одной заснят Горький с огромной метлой в руках перед сидящим с широко открытым ртом Шаляпиным. Надпись гласит: «А. М. Горький готовит Ф. И. Шаляпина к выступлению. Финляндия, 1914 г.» На другой — Шаляпин вместе с Горьким и еще кем-то впрягся в оглобли повозки...

— Отец любил от души повеселиться, — вспоминает Федор Федорович. — У того, кто

успехом. Сбор пошел в помощь раненым солдатам. После спектакля отец пригласил всех исполнителей к себе на ужин. Накрыли три огромных стола. И тут он стал выговаривать им за то, что они ленятся, хотя могут превосходно работать. Сам для себя он поблажек не делал. Перед выходом на сцену, уже всеми признанный, он волновался, как и в период своих дебютов. В Париже я часто сопровождал его в оперу. И как-то спросил, почему он постоянно волнуется. «От меня всегда слишком многого ждут...» — отвечал он. Он любил выступать в концертах и, как правило, не исполнял арии из опер: не хотел повторяться.

Шаляпин был дружен со